

© А. Е. Козлов

УДК 821.161.1 + 82.0

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИИ *

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена описанию основных принципов типологии провинциальных сюжетов. В начале статьи раскрывается сущность данного понятия и обосновывается актуальность исследования провинциальных сюжетов. Далее описывается концепция провинциального сюжета, избранная в исследовании, и рассматривается ее методологическая целесообразность. Исходя из типологического принципа описания, автор предлагает ряд значимых характеристик провинциального сюжета: событийность, устойчивый ряд репрезентантов (включая хронотоп), функциональность, связь с западноевропейской традицией, национальная обусловленность сюжета, связь с прецедентными текстами русской литературы. На примере сюжета расстроенное сватовство показано применение данной модели и построение описательной статьи. В заключении делается вывод о возможных принципах описания провинциального сюжета в контексте современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: провинциальный сюжет, принципы типологии, событие, событийность, национальная специфика, классическая русская литература.

В современной исследовательской литературе теме провинции отведено значительное место. Провинция становится объектом изучения в исторической науке [8, 19, 20], семиотике культуры [17], феноменологии [25, 37] и литературоведении [7, 26]. Общая тенденция интеграции гуманитарных наук обусловила в данном контексте создание универсальной исследовательской модели, связанной с

изучением провинциального текста. В настоящий момент изучены многие структурные уровни провинциального текста: мифопоэтический, локальный, семиотический, – однако по-прежнему отсутствуют работы, представляющие системное описание сюжетов, генерируемых данным текстом [16].

Несмотря на то, что до настоящего времени провинциальный сюжет практически не становился самостоятельным объектом

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых.

Козлов Алексей Евгеньевич – аспирант, кафедра русской литературы и теории литературы Института филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozloff@rambler.ru

изучения, исследования по семантике провинции в культуре и литературе позволяют составить представление об этом явлении.

Точкой отсчета в изучении провинциального сюжета можно считать характеристику провинциального хронотопа, данную М. М. Бахтиным. Описывая провинциальный хронотоп как «...густое, липкое, ползущее, в пространстве время», которое «...переплетается с другими, не циклическими временными рядами или перебивается ими» [2, с. 302], М. М. Бахтин фактически указал основные черты, определяющие сюжетные свойства провинции в русской литературе XIX в.

Изучение сюжетной значимости (или сюжетного значения, по М. М. Бахтину) предполагает рассмотрение пространства «...как условия, определяющего характер событий и логику их следования друг за другом» [31, с. 179]. Пространство городской провинции рассматривается в настоящем исследовании как художественный конструкт, восходящий не к эмпирической действительности, а к существующей культурной традиции. Наиболее точно данная концепция описана в монографии Е. Н. Эртнер: «Образ провинции имеет не творческую, а знаковую природу и функционирует как “указание” на некую условную провинцию, <...> апеллирует уже не к пространственному восприятию, а к литературному» [37, с. 43]. Данная концепция позволяет говорить о провинциальном тексте как пространстве смысла [18], т.е. ментальном феномене или универсалии.

Согласно наблюдениям Р. Казари, «...русская литература – особенно проза прошлого века, разработала весьма разнообразный “провинциальный текст”, внутри которого можно выделить одну

линию, довольно четкую и самостоятельную. Это – образ русского провинциального города» [13, с. 164]. По мысли исследователя, парадигма провинциального текста сформировалась в 40-е годы XIX в. после выхода в свет «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. В этот период времени тема провинции «аккумулировала» ряд вариантов, среди которых можно отметить романы И. А. Гончарова «Обыкновенная история» и А. И. Герцена «Кто виноват?», повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» и т.д. Тем не менее, этому моменту предшествовало оформление разноприродного материала, включающего в себя темы, смежные с провинциальной (деревня, поместье), мотивы, адаптируемые в данном контексте (скука, лень, однообразие), сюжеты, получающие специфическое оформление (служба, супружеская измена, путешествие). Таким образом, при своей продуктивности концепция Р. Казари не позволяет решить вопрос типологии провинциальных сюжетов русской литературы.

Поскольку настоящая работа предполагает анализ провинциальных сюжетов, необходимо определить объем данного понятия и возможные принципы типологии изучаемого объекта. Под провинциальным сюжетом далее понимается сюжетно-мотивный комплекс, тематически связанный с провинцией (в большинстве случаев – с топосом провинциального города). Тема провинции влияет на реализацию фабульных схем, внося изменения на структурном и семантическом уровне. Изучение провинциального сюжета, таким образом, подразумевает изучение индивидуальной семантики для общего фабульного репертуара [15].

Типология провинциального сюжета, предлагаемая в данной статье, основана на

принципах, заложенных составителями словарей сюжетов и мотивов, и связана с именами Е. К. Ромодановской, Т. И. Печерской, Е. К. Никаноровой. Описывая принцип составления экспериментального словаря сюжетов и мотивов, его авторы указывают: «Мы можем зафиксировать лишь небольшое количество текстов, где так или иначе отражается последовательная схема событий, связанных с тем или иным мировым сюжетом. Гораздо больше их останется на периферии, но именно периферийные тексты, активно варьирующие событийную схему, меняющие ее до неузнаваемости, соединяющие разные сюжетные схемы, дают новую жизнь вечным сюжетам» [14, с. 4]. Обращение к русской литературе, а тем более русской журналистике, показывает, что тема провинции на протяжении XIX века становится ключевой и формирует ряд сюжетно-значимых вариантов.

Представляя особенности предикативного описания сюжетов, Ю. В. Шатин подчёркивает: «Абсолютное большинство предикатов, задействованных в образовании фабульных схем, легко укладывается в три семантические группы, первая из которых связана с конфликтами, вытекающими из определенной степени родства или его значимого отсутствия (муж, жена, мать, сын, сирота, любовник), вторая с конфликтами, обусловленными социальным статусом или профессией персонажа (бедняк, помещик, гробовщик, офицер, провинциальный учитель), третья с конфликтами, обусловленными определенным типом поведения персонажа (праведник, блудный сын, скряга, скучающий эгоист, игрок)» [35, с. 60]. В настоящем исследовании первая группа сюжетов эквивалентна ситуациям из частной жизни героев-провинциалов

(провинция-семья), вторая группа связана со служебными сюжетами и общественной жизнью. Третья группа сюжетов практически не представлена на уровне городского провинциального текста и связана в большей мере с метатипом героя-провинциала.

Представленная далее типология провинциального сюжета основана на нескольких основополагающих принципах: событийности, устойчивых репрезентантах, функциональности, связи с западно-европейской традицией, национальной обусловленности и соотношении с прецедентными текстами.

1. Событийность.

Множественность трактовок понятия «сюжет» обуславливает наличие нескольких, внутренне не противоречащих друг другу, концепций события. За основу можно взять определение события, данное Н. Д. Тмарченко: «...изменение сюжетной ситуации в виде замены или преобразования условий для персонажа – в результате ли его собственной “активности” или “активности” обстоятельств» [30, с. 239–240].

В строгом смысле, провинциальный сюжет репрезентирует минимальное событие, характеризующее повседневность персонажа. Однако в структуре художественного текста такое минимальное событие редко бывает полнозначимым. Как справедливо отмечает В. Шмид, «...изменения, являющиеся тривиальными по внутритекстовой аксиологии, события не основывают» [36, с. 268]. Специфика циклического провинциального времени позволяет считать событием не только изменение сюжетной ситуации, но и изменения в фабульной канве текста. В этом отношении гораздо важнее рассмотрение провинциального сюжета как «раздражающего фактора», т.е. такого

события, которое, вторгаясь в повседневность, нарушает размеренный ход времени. При этом «вторжение события» позволяет увидеть основные черты повседневности, неясные до тех пор, пока это событие не произошло. Яркий пример подобной экспликации представляет экспозиция повести Н. В. Гоголя «Коляска»: «Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно» [8, с. 145]. Очевидно, что событием, формирующим сюжет, становится появление кавалерийского полка, в то время как дособытийное состояние города представлено одним словом «скучно». В то же время появление полка не отменяет этого состояния и со временем входит в общий круг повседневности. По замечанию Р. Казари, «в такой обстановке даже военная среда может входить в парадигму топоса “провинциального городка” как царства пошлости...» [12, с. 175]. Таким образом, ситуацию в провинциальном сюжете нельзя назвать устойчивой, поскольку событийно значимый сюжет эту событийность утрачивает на фоне повторяемых, тривиальных эпизодов.

Называя событием «перемещение персонажа через границу семантического поля» [21, с. 57], Ю. М. Лотман вводит необходимое уточнение: «в пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод, будучи помещен на различные структурные уровни, может стать или не стать событием» [21, с. 58]. Предположительно, в провинциальном сюжете многие эпизоды получают новый смысл: из значимых они становятся значимыми событийно и позволяют минимально дифференцировать существующие фабулы провинциальных историй.

В контексте провинциального времени, где жизнь не тождественна жизни, а смерть – смерти [2], при видимой цикличности внутреннее содержание развивается особым образом. Как пишет К.А. Воротынцева, «повседневность обретает ценность с позиции внутритекстовой аксиологии лишь в том случае, когда подчиняется непреложным закономерностям бытия» [1, с. 278]. Данное наблюдение позволяет развить вышеприведенное высказывание В. Шмида и предположить, что происходящее в провинциальном сюжете становится событием в том случае, когда связанное с бытовой повседневностью провинциальное время наделяется общим экзистенциальным значением.

Таким образом, событие в провинциальном сюжете могут составлять явления повседневности, или же такие происшествия, которые, нарушая эту повседневность, позволяют увидеть ее дособытийное состояние.

2. Основные (устойчивые) репрезентанты.

В качестве основных репрезентантов сюжета рассматривается топос провинциального города и составляющие его локусы (дома, церкви, остроги и проч.), провинциальные персонажи и особые сюжетные ситуации.

Сюжетные репрезентанты, как правило, соответствуют инвариантной структуре. К примеру, топос провинциального города N наделяется рядом устойчивых характеристик; это безымянное, антиисторическое пространство, части которого представляют отражение целого [38]. В беллетристике XIX века можно встретить развернутые описания провинциального города, фактически воспроизводящие данные характеристики. Например, В. А. Вонлярлярский в

романе «Большая барыня» пишет: «Но почему же частные обывательские дома подчинились общему закону сходства? Почему же сходство это не только не ограничивается постройками, но распространяется в городах западных губерний и на жителей, на лошадей, на рогатый скот и на все животное царство, не исключая птиц?» [4, с. 67]. По всей видимости, «общий закон сходства» распространился на описания провинции в русской литературе XIX века и стал причиной появления некоторых клише, в ряду которых наиболее частотным становится указание на место действия («В уездном городе N...»).

На языковом уровне также фиксируются определенные устойчивые формы (а также искажения норм литературного языка), элементы провинциальной фразеологии, провинциализмы. В рассказе П. Сокальского «Наблюдения уездного старожила над коньками своих соседей» особенность речи провинциала связана с расширением исходного лексического значения слова «конёк». Называя коньком увлечения вроде *idée fixe*, «глубокомысленный старожил, обитающий в одном из малоизвестнейших, но прелестнейших уголков нашего отечества» [28, с. 2], далее развивает это представление, следуя своей фантазии: «Не знаю, как было прежде, при наших предках, а нынче конёк сросся с человеком, живет в нём, действует и умирает, точно будто другой человек поселился внутри нынешнего человека... Между ними такая дружба, что человек для своего конька перенесёт, что вам угодно, стерпит обиду всякую, ничего не пожалеет» [28, с. 7]. Взятые за основу значения в результате такого произвольного расширения трансформируются. Оказывается, что

«ядовитый, вцепившийся в жертву конёк» [28, с. 2] управляет человеком, т.е. всадник и конёк меняются местами. Очевидным образом такая трансформация лексического значения соотносится с характерным провинциальным сюжетом о провинциалах-мечтателях, отрешившихся от действительности во имя отвлеченной идеи.

3. Функциональность.

Большинство репрезентантов обладает сюжетобразующими, нарративными и семантическими функциями. В романе «Проселочные дороги» Д. В. Григорович, описывая обитателей Ханских прудов, замечает: «Горшковский уезд играет здесь роль вогнутого зеркала, к которому автор подводит фантастические лица, заслуживающие насмешки» [9, с. 129]. Очевидно, что избранное пространство представлено в известной доле условности, при этом его описание является одним из факторов сюжетобразования; метаописание представляет род нарратива; метафоризация пространства и его соотнесение с вогнутым зеркалом реализует семантическую функцию сюжета.

Возможность типологизации провинциальных сюжетов позволяет сделать предположение о прогнозируемости исходов отдельных художественных текстов, в связи с чем в ряде случаев целесообразно говорить о прогностической функции провинциального сюжета. Так, первое предложение рассказа М. Михайлова «Скромная доля» предполагает несколько наиболее очевидных вариантов сюжета: «Жили-были на белом свете, или, попросту говоря, в одном далеком от столицы губернском городе, два добрые и смиренные человека, отец и сын, Иван Петрович и Петр Иванович» [22, с. 61]. В начале произведения заложена идея преемственности и

посредственности. Общее содержание рассказа подтверждает эту мысль, поскольку, потеряв отца и мать, герой продолжает их «скромный путь». Исчерпывающим образом прогностическая функция описана в повести В. А. Вонлярлярского «Ночь на 28-е сентября». Молодая девушка из провинции, рассказывая своей столичной подруге о возлюбленном, замечает: «...не встречались ли его будущие взгляды с моими взглядами, и не исчислены ли вперед все подобные случаи всеми романистами нашего времени» [5, с. 226]. Предположительно, возможность исчисления основных исходов сюжета в контексте общего репертуара как массива вероятностей, показывает значимость прогностической функции.

4. Связь с западноевропейской традицией.

В основе провинциального сюжета можно выделить последовательно сменяемые и взаимообусловленные модели. Тема провинциального города в повестях русского сентиментализма и романтизма получила свое развитие под влиянием творчества Л. Стерна и Ж. Ж. Руссо. Можно утверждать, что типологически данная модель в полном объеме представлена в романе Р. Бретонна «Совращенный поселянин, или опасности городской жизни». В этом романе череда несчастий следует после приезда Эдмона в город. Город здесь представляет обобщенное средоточие порока. Роман Бретонна описывает череду потерь: утрата нравственности, невинности / гибель детей / физический изъян. Часто в такой сюжетной схеме завершение невзгод совпадает с отъездом из города. В бретонновском типе романа основной конфликт строится на сопоставлении поселянина/крестьянина/провинциала и города.

В 30-е годы XIX века в формировании нового типа провинциального сюжета большую роль сыграли романы Ф. Стендаля и «Провинциальные сцены» О. Бальзака. В этих произведениях существенно изменяется тип времени: из авантюрного оно становится повседневным, возмущаемым лишь отдельными событиями. Таким событием становится, например, супружеская измена в первой части романа «Красное и черное», или приезд кузена Шарля в «Евгении Гранде». Событие, которое влечет за собой определенные последствия, обнажает повседневный уклад и позволяет составить представление о жизни обывателей. В преддверии романа Жюльена Сореля и госпожи де Реналь повествователь сообщает: «В провинции всё идет медленно, все совершается постепенно...» [29, с. 67–68]. Течение времени в первой части романа, действие которой протекает в Верьере и Безансоне, представляет контраст в соотношении со второй, связанной с Парижем и Страсбургом.

Если роман бретонновского типа еще нельзя назвать хронотопичным (в аспекте изучения провинциального хронотопа), в романах Стендаля и Бальзака определяются основные пространственно-временные черты провинциального города. Представленные здесь описания можно назвать ландшафтными, поскольку они согласуются с определенными картинами эмпирической действительности. При этом, если Верьер Стендаля представляет род авторской фикции, романистика Бальзака метагеографична, т.е. изображаемые ландшафты представляют описания существующих в действительности мест.

Для данного типа романа характерна также детализация внешних событий, или физиология повседневной жизни. Как писал

Бальзак в предисловии к «Провинциальным сценам»: «В провинциальной глуши нередко встречаются лица, достойные серьезного изучения, характеры, исполненные своеобразия, существования людей, внешне спокойные, но тайно разрушаемые необузданными страстями...» [1, с. 732]. Это внешнее спокойствие в романах Бальзака делает основную фабулу способом раскрытия событийно значимых эпизодов, поскольку внимание сосредоточивается на внутренних, часто незаметных событиях. В то же время, наследуя черты бретонновского романа, «Провинциальные сцены» представляют историю утрат (достаточно показательным в этом отношении является название одного из романов цикла – «Утраченные иллюзии»).

Следующий этап развития провинциального сюжета представляет роман Г. Флобера «Госпожа Бовари». Если принять за своеобразный манифест слова автора о сущности и призвании современного ему искусства, можно утверждать, что сюжет этого романа осознается как некоторая условность: «Что кажется мне прекрасным, что я хотел бы написать,- это книгу ни о чем, книгу без внешней привязи, которая держалась бы сама по себе, внутренней силой стиля, как земля держится в воздухе без всякой опоры, – книгу, где почти не было бы сюжета или, по крайности, сюжет был бы почти незаметен, коль это возможно» [23, с. 602]. Тем не менее, в данном произведении при внешней пустотности фабулы основное наполнение связано с сюжетом. На фоне «однообразных, неисчислимых, ничего с собой не несущих дней» [33, с. 205] выстраивается мнимое, придуманное существование. Наиболее ярко это показано в судьбе Эммы Бовари, жизнь которой «превратилась в сцепление выдумок, которыми она, точно пеленами,

укрывала свою любовь» [33, с. 435]. В то же время одной из движущих сил сюжета становится скандал, поскольку многие эпизоды потенциально разворачиваются в скандальные сцены. Пример такого скандала представляет операция Шарля, которая символизирует заурядность и неспособность провинциального лекаря. Одновременно становясь событием, представленным в местной прессе, операция маркирует очередную неудачу в жизни и посредственность героя данного романа.

Флобер продолжает традицию Бальзака, следуя «ландшафтным описаниям». Однако отдельные провинциальные локусы: Тост, Руан и Ионвиль, – характеризуются одинаковым протеканием жизни. Говоря о флоберовской разновидности провинциального города как месте циклических повторяющихся «бываний», М. М. Бахтин соотносит созданную модель с произведениями авторов русской литературы второй половины XIX века [2]. По видимому, Флоберу удается отразить в своем сюжете повседневность, осмысление которой составляет значимую часть в русском провинциальном сюжете.

5. Национальная специфика.

Проблема национальной специфики провинциальных сюжетов заключается в существовании определенной традиции. Формирование провинциальных сюжетов как единого мотивно-фабульного комплекса начинается во второй половине XVIII в. Фактором сюжетообразования стало появление профессиональной журналистики и формирование отечественной драматургии.

По всей видимости, возникая в русской литературе, провинциальные сюжеты не были связаны с особыми фабульными

реализациями и возникли в результате изменения художественной модальности.

Описывая специфику национальной литературы, М. Загидуллина приходит к выводу: «В классическом русском тексте пространство сглажено – но это ни в коем случае не “отражение реальности”, это именно *изоморфа* душевного состояния *русского человека*. Здесь *ничего* не может произойти» [11, с. 100]. Исходя из этой гипотезы, логично предположить, что русский провинциальный сюжет с внешне а-событийной структурой и значительным экзистенциальным содержанием в наибольшей мере соответствует подобному типу национальной литературы.

6. Прецедентные тексты.

В основе каждого провинциального сюжета рассматриваются прецедентные художественные тексты. К прецедентным текстам относятся культурно значимые произведения, составляющие в настоящий момент эстетическую доминанту. В исследовательской работе к прецедентным отнесены корпуса текстов второй половины XVIII века: «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка» А. И. Копиева, «Сатирический вестник» Н. И. Страхова, – а также произведения XIX века: «Путешествие критики» С. К. Ферецельта, «Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Губернские очерки» и «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы А. П. Чехова. Каждый прецедентный текст представляет собой корень общего дерева сюжетов, относительно которого рассматривается беллетристический контекст.

7. Словарный тип описания.

Номинация каждого сюжета связана с описанием фабулы, или предикативного ядра, обеспечивающего внутренние причинно-следственные связи. В большинстве случаев за основу взяты дефиниции, данные в экспериментальных словарях сюжетов и мотивов. Работа не ставит целью создание специального словаря, однако приведенные материалы могут быть организованы по принципу словарной статьи.

Пример провинциального сюжета представляет реализация фабульной схемы *расстроенное сватовство в провинции* (сюжет первой группы, по типологии Ю. В. Шатина (далее I-Ш)). Данная схема, универсальная для западноевропейской литературы, предполагает столкновение двух событий: *сватовство* и *появление обстоятельств, препятствующих сватовству*, которые соответствуют изменению сюжетной ситуации. В качестве репрезентантов данного сюжета можно назвать устойчивый ряд актантов: *жених (A1)*, *невеста (A2)*, *родители невесты*. Сюжет, как правило, связан с локусом *дом в провинции*, где происходит большинство описываемых событий. Сюжетная реализация данной фабулы связана с введением неодолимого препятствия, в качестве которого, как правило, выступает *соперник (A3)*. Например, в повести В. И. Даля «Павел Алексеевич Игривый» сватовству героя мешает приход полка и появление молодого офицера, в «Дневнике лишнего человека» соперником Чулкатурина оказывается князь, «решительно очаровавший всё общество» [32, с. 193], в романе Н.С. Лескова «На ножах» бракосочетание Подозерова расстраивает бывший петербургский нигилист Павел Горданов. Определяющим

репрезентантом в сюжетообразовании в данном случае становится соперник.

Прецедентным текстом, в котором представлена данная ситуация, является «Путешествие критики» С. К. Ферцельта и «Недоросль» Д. И. Фонвизина. Можно утверждать, что сюжет о сватовстве присутствует в большинстве комедий второй половины XVIII – начала XIX вв. и формально организует интригу произведения.

Данная сюжетная модель развивается в пределах семейного романа русской литературы XIX века. Как писал А. М. Скабичевский, «...на всех произведениях этого периода отражается замкнутая провинциальная жизнь. В них изображаются исключительно нравы провинциального бомонда, действие не выходит из семейной сферы. Преобладающими типами здесь являются: мать семейства, выдающая дочерей за первых попавшихся соискателей; добряк отец, ни во что не входящий, покоряющийся безусловно воле супруги и оплакивающий судьбу дочерей; тип сынка, обезличенного и доведенного до последней степени идиотизма; ряд молодых девушек и старых дев, ищущих любви и участия в людях» [27, с. 208]. К подобному типу относятся произведения М. Н. Загоскина («Три жениха», «Искуситель»), М. В. Авдеева («Тамарин», «Иванов»), А. Ф. Писемского («Виновата ли она?», «Тюфяк», «Взбаламученное море»), Н. Д. Хвощинской (трилогия «Провинция в старые годы» («Свободное время», «Кто ж остался доволен?», «Последнее действие комедии»)).

Вариацию данного сюжета представляет фабула «Ревизора» Н. В. Гоголя, поскольку Хлестаков, покидая N в качестве жениха, фактически делает сватовство частью своего импровизированного сценария. Наиболее

поздняя реализация рассматриваемого сюжета представлена в рассказе А. П. Чехова «Невеста». Здесь при отсутствии внешних препятствий на судьбу невесты влияет ее решение – результат внутреннего события, практически не отраженного на уровне фабулы.

Фабула сюжета *расстроеное сватовство* не существует автономно и относится к общему предикативному ядру *сватовство в провинции*. Семантика сюжета, обусловленная темой провинции, как правило, сообщает происходящему признак неполноты и ущербности. Если рассмотреть сюжеты, в которых представлена ситуация *благополучное сватовство*, можно обнаружить, что в большинстве случаев дальнейшее содержание произведения опровергает эту благополучность. К примеру, сватовство провинциала Трушки в романе Г. Ф. Квитки-Осовьяненко «Пан Халявский» делает героя обманутым мужем-рогоносцем, нечаянное сватовство Круциферского в романе «Кто виноват?» впоследствии становится частью его вины, необдуманное бракосочетание Василькова в романе Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» приводит к болезни и смерти его жены Антонины. Рассказ А. П. Чехова «Учитель словесности» демонстрирует несколько иной тип сюжета. При устранении всех возможных препятствий, таковым оказывается осознание счастливым молодоженом ужаса и искаженности повседневной жизни.

В то же время сюжет сватовства связан с календарным циклическим временем. Вводя в «Преступление и наказание» письмо Пульхерии Александровны, Ф. М. Достоевский показывает, насколько события частной жизни подчинены общему годовому циклу: «Ему хочется, по некоторым расчетам, как можно поспешить церемонией брака и

даже, если возможно будет, сыграть свадьбу в теперешний же мясоед, а если не удастся, по краткости срока, то тотчас же после госпожинок» [10, с. 37]. Мышление в координатах такого циклического времени оказывается невозможным для Петербурга. В романе А. Ф. Писемского «Тюфяк» сваха сетует: «...что это нынче за годы? Прошла целая зима... танцевали... ездили на балы... тоже веселились, а свадьбы ни одной» [24, с. 354]. Свадьба Павла Бешметева и Юлии Кураевой в этом контексте выглядит искусственно, становится способом продолжения ранее начатой традиции: трагический исход произведения, таким образом, закономерно связан с прихотью губернского общества.

В ряде случаев событие сватовства теряет свою исключительность, становится приметой повседневности. Наиболее точно эту провинциальную ущербность [37], не только в литературе, но и наблюдаемой жизни охарактеризовал А. П. Чехов: «Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других <...> Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут» [34, с. 181–182].

Представленные выше наблюдения можно суммировать в виде словарной статьи. В целях универсализации материала обозначим каждый рассматриваемый сюжет порядковым номером. Так,
С.1 – сватовство в провинции;
С.2 – полк на постое в провинциальном городе;
С.3 – получение наследства;

С.4 – расследование в провинции / преступление;

С.5 – отъезд провинциала в Петербург.

Сюжет *расстроенное сватовство* обозначен в предлагаемом далее классификаторе как С. 1–2, что означает второй вариант сюжета 1 (С.1–1 – *благополучное сватовство*). В скобках после названия произведения указаны фабульные схемы, влияющие на изменение сюжетных обстоятельств.

С. 1–2. I–III. *Расстроенное сватовство в провинции* – событие частной жизни, которое в большинстве случаев становится предметом слухов и пересудов, потенциально разворачивается в скандал. Часто теряет свою событийную значимость и становится элементом повседневного, заурядного мира.

Прецедентные тексты: Д. И. Фонвизин «Недоросль», С. К. Ферецельт «Путешествие критики».

а. соперник / пропавший жених

- А. Погорельский «Монастырка»;
В. Ф. Одоевский «Косморама» (мотив);
М. Н. Загоскин «Три жениха» (С. 1–1);
Г. Ф. Квитка-Осовьяненко «Пан Халявский» (С. 2);
М. П. Погодин «Преступница» (С. 4);
В. И. Даль «Павел Алексеевич Игривый» (С. 2), «Невольные соперники» (С. 2)», «Вакх Сидорович Чайкин»;
В. А. Вонлярлярский «Большая барыня», «Силуэт»;
Н. Д. Хвоцинская «Кто ж остался доволен?» (С. 1–1);
Д. В. Григорович «Проселочные дороги»;
Ф. М. Достоевский «Вечный муж» (С. 2);
Н. С. Лесков «На ножах» (С. 4).

б. обстоятельства

- А. Е. Измайлов «Бедная Маша»;
В. И. Даль «Расват»;

Ф. М. Достоевский «Дядюшкин сон» (С. 3), «Бесы»;
М. Михайлов «Скромная доля»;
А. Ф. Писемский «Тысяча душ» (С. 5), «Взбаламученное море» (С. 3);
А. П. Чехов «Невеста», «Учитель словесности», «Ионыч»;
Н. Синельников «Последняя драма»;
П. П. Гнедич «По духовным завещаниям».

в. невеста-бесприданница

А. Н. Островский «Бесприданница»;
И. И. Панаев «Бесприданница»;
А. Ф. Писемский «Боярщина», «Тюфяк», «Тысяча душ»;
И. А. Гончаров «Обрыв» (мотив);
Л. И. Веселитская «Мимочка»;
Н. Э. Гейнце «Бесприданница».

Несмотря на то, что данный список может быть существенно расширен, приведенные тексты позволяют составить представление о «траектории» рассматриваемого сюжета. Очевидно, на протяжении XIX века, сюжет *расстроенное сватовство в провинции* изменялся от внешнего события к внутреннему, экзистенциальному. В рассказах Чехова и писателей чеховского круга провинция становится не только контрастным фоном, но и символизирует повседневность человека, лишенную какого-либо значения и смысла. В

этом контексте выбор человека, его уход от сложившихся обстоятельств становится событийно значимым [3].

В заключение можно обозначить некоторые перспективы настоящего исследования. Систематизация художественного материала, связанного не только с классической литературой XIX в., но и беллетристикой, а также массовой литературой, предположительно, позволит установить общую закономерность между разными типами литератур. Кроме этого, изучение провинциального сюжета позволяет обратиться к соотношению публицистической, юридической и художественной литературы, что подразумевает не только многоаспектное рассмотрение изучаемого сюжета, но и интеграцию исторического, культурологического и литературоведческого подходов.

Детальное изучение провинциальных сюжетов имеет практическую значимость, поскольку на основе данных материалов могут быть созданы специальные статьи для словаря сюжетов и мотивов, а также организована система спецкурсов и спецсеминаров.

На сегодняшний момент изучение провинциальных сюжетов русской литературы представляет не только развитие продуктивной литературоведческой концепции, но и опыт вступления в общий диалог о сущности провинциального текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бальзак О.** Собр. соч.: в 10 т. / пер. с фр. Ю. Верховского; под ред. Н. Балашова, Е. Гунста. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 2: Сцены провинциальной жизни. – 734 с.
2. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–408.
3. **Богодёрва А. А.** Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 17 с.
4. **Вонлярлярский В. А.** Большая барыня. – М.: Университетская типография, 1852. – 160 с.

5. **Вонлярлярский В. А.** Ночь на 28-е сентября // Отечественные записки. – 1852. – Т. 81. – С. 210–285.
6. **Воротынцева К. А.** Поэтика повседневности в аспекте действительности героя // Критика и семиотика. – 2010 – Вып. 14 – С. 276–292.
7. **Геопанорама** русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. – М.: Язык славянских культур, 2004.
8. **Гоголь Н. В.** Коляска // Собр. соч.: в 7 т. – Т. 3. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 145–157.
9. **Григорович Д. В.** Просёлочные дороги. Роман без интриги // Отечественные записки. – 1852. – Т. 80. – С. 5–160.
10. **Достоевский Ф. М.** Преступление и наказание // Собр. соч.: в 15 т. – Т. 5. – Л.: Наука, 1989. – 574 с.
11. **Загидуллина М.** Событийность в контексте литературной географии // Событие и событийность. Петербургский сборник. – М. : Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. – Вып. 5. – С. 92–100 .
12. **Казари Р.** Провинциальная пустыня. Военные в провинции в русской литературе XIX века // Русская провинция. Миф. Текст. Реальность. – М., СПб.: Тема, 2000. – С. 170–176.
13. **Казари Р.** Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф-текст-реальность. – М., СПб.: Тема, 2000. – С. 164-170.
14. **Капинос Е. В., Ромодановская Е. К, Проскурина Е. К.** Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 2–18.
15. **Козлов А. Е.** “Провинциальные” сюжеты в русской литературе второй половины XIX века // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конференции молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2011. – Вып. 12 – С.94–97.
16. **Козлов А. Е.** Проблема семантической ёмкости понятия «провинциальный текст» // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской молодежной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 257–261.
17. **Козляков Н. В., Севастьянова А. С.** Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т.1. – М.: МГУ, 1998. – С. 125–202.
18. **Кривонос В. Ш.** «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2012. – 311 с.
19. **Культура**, искусство и образование провинциальной России в контексте истории. – Оренбург : Изд-во ОГИИ, 2007. – 409 с.
20. **Куприянов А. И.** Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX. – М. : Новый хронограф, 2007. – 480 с.
21. **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 15–330.
22. **Михайлов М.** Скромная доля // Отечественные записки. – 1852. – Т. 84. – С. 61–102.
23. **Моруа А.** Гюстав Флобер // Литературные портреты / пер. с фр. Л. Беспалова. – М.: Правда, 1986. – С. 596–613.
24. **Писемский А. Ф.** Тюфяк // Собр. соч.: в 9 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1959. – С. 295–472.
25. **Провинция** как реальность и объект осмысления. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. – 189 с.
26. **Русская провинция: миф-текст-реальность.** – М., СПб.: Тема, 2000. – 492 с.
27. **Скабичевский А. М.** История новейшей русской литературы. – СПб. : Изд-во Павленкова, 1909. – 533 с.

28. **Сокальский П.** Наблюдения уездного старожила над коньками своих соседей // Отечественные записки. – 1857. – Т. 110. – 1–21 с.
29. **Стендаль Ф.** Собр. соч.: в 15 т. / пер. с фр. Г.П. Блок; под ред. Б. Реизова. – М.: ГИХЛ, 1948. – Т. 2: Красное и черное – 480 с.
30. **Тамарченко Н.Д.** Событие сюжетное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 239 – 240.
31. **Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н.** Теория литературы: в 2 т. – М.: Академия, 2004. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.
32. **Тургенев И. С.** Дневник лишнего человека // Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т.4. – С. 166–217.
33. **Флобер Г.** Госпожа Бовари. Провинциальные нравы / пер. Н. Любимова. – М.: ГИХЛ, 1958. – 350 с.
34. **Чехов А. П.** Три сестры // Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1978 – Т. 13. – С. 117–189.
35. **Шатин Ю. В.** Муж, жена и любовник: семантическое древо сюжета // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 58–65.
36. **Шмид В.** Проза как поэзия. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 352 с.
37. **Эртнер Е. Н.** Феноменология русской провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – 221 с.
38. **Lounsbury A.** "Russia! What do you want of me?": The Russian reading public in Dead Souls. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.scopus.com/inward/record.url?eid=2-s2.0-52849121528&partnerID=40&md5=796de2a27de2ceb9711e788707d8696e> (дата обращения: 29.01.2013).
39. **Lounsbury A.** "To Moscow, I Beg You!": Chekhov's Vision of the Russian Provinces // Toronto Slavic Quarterly. – Toronto, 2004. – P. 12–24.

© A. E. Kozlov

UDC 821.161.1 + 82.0

PROVINCIAL STORIES IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY: THE GENERAL PRINCIPLES OF TYPOLOGY

A. E. Kozlov (Novosibirsk, Russia)

The article is devoted to description of general principles of “provincial stories” typology. In the beginning of the article essence of the concept and topicality of the research is considered. In the next part of article “provincial stories” conception and these methodology appropriateness are described. If we choose typology principle of description, we may use some meaningful characteristic, such as: eventfulness of plot, invariant representants (including chronotope), functionality, connection with European tradition, national features, connection with precedent texts of classic Russian literature. For example author describes a plot about troubled marriage. It shows application of this theoretical model and presents a construction of descriptive article. In conclusion we can say that exploration of general principles of “provincial stories” has great significance in the modern humanitarian science context.

Key words: “provincial stories”, principles of typology, event, eventfulness, national features, classic Russian literature.

REFERENCES

1. **Balzac O.** The collected works: in 13 vol. / tr. from French J. Verhovsky; ed. N. Balashova, E. Gunst. – M.: Imaginative literature, 1983. – vol. 2: Scenes of provincial life. – 734 p.
2. **Bahtin M. M.** Form of time and chronotope in the novel // Problems of literature and aesthetics. – M.: Imaginative literature, 1975. – P. 234–408.
3. **Bogoderova A. A.** Plot situation “escape” in Russian literature of 2nd part of XIX century. – Novosibirsk, 2011. – 17 p.
4. **Vonlarlarsky V. A.** The great lady. – M.: University typography, 1852. – 160 p.
5. **Vonlarlarsky V. A.** Night of 28th September // Native stories. – 1852. – vol.81. – P. 210–285.
6. **Vorotyntseva K. A.** Poetics of everyday-life in the aspect of hero reality // Criticism and Semiotics. – 2010 – vol. 14 – P. 276–292.
7. **Geopanorama** of Russian culture. Province and local texts. M.: Language of Slavonic culture, 2004.
8. **Gogol N. V.** The calash // The collected works: in 7 vol. – vol.3. – M.: Imaginative literature, 1978. – P. 145–157.
9. **Grigorivich D. V.** Country roads. Novel without intrigue // Native stories. – 1852. – vol. 80. – P. 5–160.
10. **Dostoevsky F. M.** Crime and punishment // The collected works: in 15 vol. – vol.5. – L.: Science, 1989. – 574 p.
11. **Zagidullina M.** Eventfulness in the context of literature geography // Eventfulness and event. Petersburg collection. – M.: Kulagina’s publishing house, 2010. – vol. 5. – P. 92–100 .
12. **Kasari R.** Provincial wilderness. Military men in province in Russian literature of XIX century // Russian province. Myth. Text. Reality. – M., SPb.: Theme, 2000. – P. 170–176.

13. **Kasari R.** Russian provincial town in the literature of XIX century. Paradigm and variants // Russian province. Myth. Text. Reality. – M., SPb.: Theme, 2000. – P. 164–170.
14. **Kapinos E. V., Romodanovskaya E. K., Proskurina E. K.** Preface // Index dictionary of themes and motifs of Russian literature. – Novosibirsk: SD RAS Publishing, 2003. – vol. 2 – P. 2–18.
15. **Kozlov A. E.** “Provincial stories” in Russian literature of 2nd part of XIX century // Actual problems of literature and linguistic studies. – Tomsk: TSU publishing. – vol. 12 – P.94–97.
16. **Kozlov A. E.** Problem of semantic volume of define “provincial text” // Tradition and innovation in the philology of XXI century: position of young scientist. – Tomsk: TSU publishing, 2012. – P. 257–261.
17. **Kozl’akov N. V., Sevastianova N. V.** Culture of the provincial town // Essays of Russian culture of XIX century in 6 vol. – vol.1. – M.: MSU, 1998. – P. 125–202.
18. **Krivosos V. Sh.** Gogol’s “Dead souls”: area of sense. – Samara : PSSGA publishing, 2012. – 311 p.
19. **Culture**, art and study of Russian province in history context. – Orenburg: OSHU publishing, 2007. – 409 p.
20. **Kuprianov A. I.** Town culture of Russian province. Ending of XVIII – 1st part of XIX century. – M.: New chronographer, 2007. – 480 p.
21. **Lotman Y. M.** The structure of the artistic text // About arts. – SPb.: Arts, 1998. – P. 15–330.
22. **Mikhailov M.** Modest share // Native stories. – 1852. – vol.84. – P. 61–102.
23. **Morua A.** Gustav Flober // Literary portraits / tr. from French L. Bepalova. – M.: Pravda, 1986. – P. 596–613.
24. **Pisemsky A.P.** Squab // The collected works: in 9 vol. – vol. 1. – M.: Pravda, 1959. – P. 295–472.
25. **Province** as reality and phenomenological object. – Tver: TvSU publishing, 2001. – 189 p.
26. **Russian** province. Myth. Text. Reality. – M., SPb.: Theme, 2000. – 492 p.
27. **Skabichevsky A.M.** History of newest Russian literature. – SPb.: Pavlenkov’s publishing house, 1909. – 533 p.
28. **Sokalsky P.** Observations old resident of the district above the features of his neighbors // Native stories. – 1857. – vol. 110. – 1–21 p.
29. **Stendal F.** The collected works: in 15 vol. / tr. from French G.P. Block; ed. B. Reisov. – M.: SPAL, 1948. – vol. 2: Red and black. – 480 p.
30. **Tamarchenko N. D.** Event plot // Poetics: dictionary of actual terms and concepts. – M.: Kulagina’s publishing house, 2008. – P. 239–240.
31. **Tamarchenko N. D., T’upa V. I., Brojtman S. N.** Theory of literature: in 2 vol. – M.: Academy, 2004. – vol. 1: Theory of artistic discourse. Theoretic poetics. – 512 p.
32. **Turgenev I. S.** Diary of odd man // Full the collected works: in 30 vol. – M.: Science, 1982. – vol.4. – P. 166–217.
33. **Flober G.** Madame Bovary. Provincial manners / tr. N. Lubimov. – M.: SPAL, 1958. – 350 p.
34. **Chekhov A.P.** Three sisters // Full the collected works: in 30 vol. – M.: Science, 1978 – vol. 13. – P. 117–189.
35. **Shatin Y.V.** Husband, wife and lover: semantic tree of plot // Materials for Dictionary of themes and motifs of Russian literature. – Novosibirsk: SD RAS, 1998. – vol. 2. – P. 58–65.
36. **Shmid V.** Prose as lyrics.– SPb.: INAPRESS, 1998. – 352 p.
37. **Erther E. N.** Phenomenology of Russian province in Russian prose of ending XIX century – beginning XX century. – Tumen: Tumsu publishing, 2006. – 221 p.

38. **Lounsbury A.** "Russia! What do you want of me?": The Russian reading public in Dead Souls. – [Web page]. – [URL:http://www.scopus.com/inward/record.url?eid=2-s2.0-52849121528&partnerID=40&md5=796de2a27de2ceb9711e788707d8696e](http://www.scopus.com/inward/record.url?eid=2-s2.0-52849121528&partnerID=40&md5=796de2a27de2ceb9711e788707d8696e) (Accessed: 29.01.2013).
39. **Lounsbury A.** "To Moscow, I Beg You!": Chekhov's Vision of the Russian Provinces // Toronto Slavic Quarterly. – Toronto, 2004. – PP. 12–24.

Kozlov Alexey Evgen'evich– the post-graduate student of the faculty of Russian literature and theory of literature, Institute of philology, the mass information and psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru